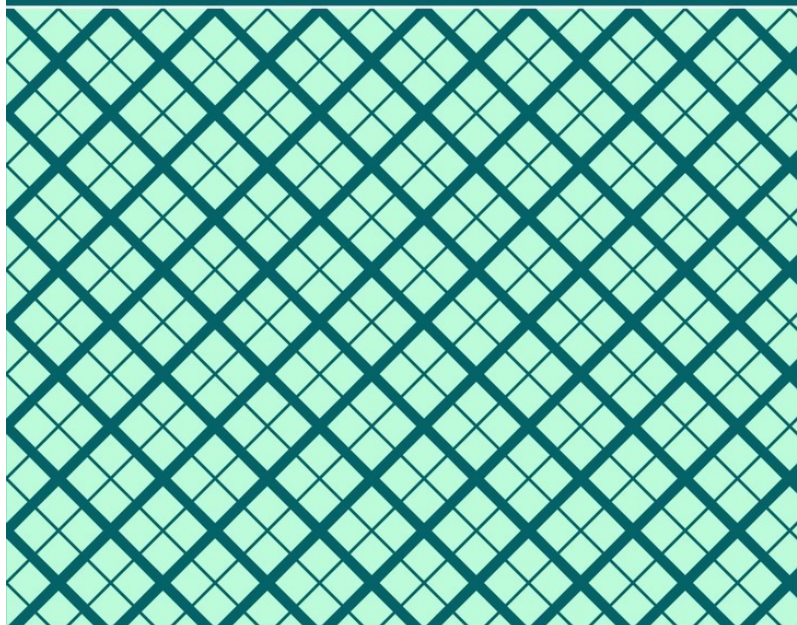

Жанна Локтева

*Дорога
на Эверест*

Жанна Локтева

Дорога на Эверест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72281104

ISBN 9785006767966

Аннотация

Второго мая 2017 года я ушла из дома. Это решение было спонтанным. Проснувшись рано, я вдруг поняла, что так жить больше не могу. Если останусь здесь, в этих четырёх стенах, я просто погибну.

Дорога на Эверест

Жанна Локтева

© Жанна Локтева, 2025

ISBN 978-5-0067-6796-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Второго мая 2017 года я ушла из дома. Это решение было спонтанным. Проснувшись рано, я вдруг поняла, что так жить больше не могу. Если останусь здесь, в этих четырёх стенах, я просто погибну. Вскочив с постели, я, не давая себе ни минуты сомнений, натянула джинсы и футболку и покидала в старый рюкзак вещи, которые могли бы мне понадобиться. Я чиркнула пару слов маме и вышла из комнаты, не оглядываясь. В квартире было тихо, только отец похрапывал, развалившись на кухонном диване. Вчера он опять вернулся с работы, сильно выпивший, и с утра начал бы ворчать на меня, глядя исподлобья, словно я виновата в его нынешнем состоянии. Я осторожно, стараясь не разбудить отца, прошла на кухню, открыла холодильник, достала пару варёных яиц, йогурт, нарезала сыр и хлеб.

Осторожно закрыв входную дверь, я вприпрыжку сбежала вниз по ступенькам и, внутренне ликуя, вышла на улицу.

Впервые за 20 лет я почувствовала себя свободной, будто сбросила невидимые путы, которые сковывали мои крылья. Я чувствовала их- могучие, золотистые крылья- олицетворение моей внутренней силы. То, что эта сила была у меня, я знала. Сила для свершений и открытий, для лучшей жизни, чем та, которой я жила до сих пор. Я не знала, куда шла и зачем, меня звала дорога, звали приключения и моё собственное сердце. Машин на Лесной было мало, город ещё спал. Я любила Санкт-Петербург, его широкие проспекты, церкви с золотыми куполами, Спас- на- Крови, похожий на пряничный домик, величественный Эрмитаж, насмерть затоптанный туристами, тёмные воды Невы у Стрелки Васильевского острова. О моём городе я

могла говорить вечно, но сейчас этот город мне предстояло покинуть. Больно рвать нити, цепляющиеся за самое сердце, оставлять позади то, что дорого. Но разве можно быть счастливым, держась за прошлое? И разве можно стать счастливым, порвав с ним? Как объединить две противоположности? Как жить, не оглядываясь назад и не испытывая боли?

Питер олицетворял всё то, что я любила и одновременно хотела забыть- моё не очень счастливое детство, вечно пьяного отца и недовольную мать, унижения в школе и первую безответную любовь. О ней вспоминать было тяжелее всего. Вспоминать тёплый участливый взгляд светловолосого юноши, ласковые слова, которые он мне говорил, а потом... Я

так и не поняла, что случилось потом. Он отвернулся и ушёл с другой, не сказав ни слова. Даже не посмотрел, как я рассыпаюсь на кусочки, глядя им вслед. Какое-то время я ещё пыталась выяснить, что же произошло в тот злосчастный день, пока он не засмеялся мне прямо в лицо. После был год глубочайшей депрессии. Я никак не могла объяснить сама себе, как человек, ещё вчера любящий и внимательный, на следующий день стал другим. Просто разлюбил? Разве такое возможно? Как можно жить спокойно, причиняя боль другому?

Я смахнула слёзы, висевшие на ресницах и быстро зашагала по асфальту, залитому золотом косых лучей проснувшегося солнца. Столько времени прошло, больше трёх лет, но до сих пор те воспоминания не тускнеют.

«Нельзя всё время оглядываться и жить воспоминаниями. От этого душа стонет и идти вперёд невозможно.»

Эти слова, которые сказала Скарлетт

О«Хара на лесопилке Эшли Уилксу, частенько звучат в моей памяти. Жаль, что воспоминания сами наступают, вцепляются когтями именно в тот момент, когда кажется, что ушёл далеко вперёд и уже не оглядываешься. Теперь к ним прибавится ещё одна горькая мысль- об оставленном позади любимом городе. Тополя и берёзы ласково шелестели нежно- зелёными юными листочками, словно посылали своё последнее «прощай».

Лучше не останавливаться, идти вперёд, к новой жиз-

ни, без соблазна повернуть к привычной мирно- болотистой жизни. Проще было сесть в метро и доехать до конечной станции, но мне хотелось попрощаться с городом. Может, случится так, что я никогда не вернусь сюда и это я должна принять. Куда я собралась? Я и сама не знала. Просто на тот момент чувствовала, что мне это нужно.

Солнце всюду светило над городом, люди спешили по своим делам, не обращая внимания ни на кого, если только кто-то не выбивался из общей массы своим поведением или внешним видом. Что бы я могла сделать, чтобы привлечь внимание окружающих? Громко петь или танцевать на улице? Однажды я была свидетелем сцены, как девушка на автобусной остановке танцевала под дождём, что- то негромко напевая. Её движения были плавными и пластичными. Люди, укрывшиеся под козырьком остановки, искоса поглядывали на неё, подростки поодаль хихикали, снимая на телефон. Мне тогда стало стыдно, что я стою со всеми в толпе и смотрю, как все. Хотя хотелось подойти к той девушке и танцевать рядом с ней, ловя тёплые струи дождя раскинутыми руками. Но у меня не было достаточно смелости сделать что-то выходящее, по общему мнению, за рамки

приличий. Хотя кто сказал, что танцевать там, где люди ждут автобуса, неприлично? Откуда взялись все эти нормы поведения, кто решает, что можно, а что нельзя? Я не говорю о по- настоящему неприличных вещах. Грань между ними и самовыражением порой бывает слишком тонка, но не на-

столько, чтобы не почувствовать её.

Занятая своими размышлениями, я не заметила, как миновала большую часть города и прошла практически весь Московский проспект. Это название неожиданно прояснило цель моего странного путешествия- я иду в Москву. Поглядеть на столицу хотелось давно, но у родителей никогда не было намерения совершить хоть небольшое путешествие. И сейчас у меня не было денег, несколько сотенных бумажек, и только. Ну что же, будем путешествовать автостопом. Я, конечно, слышала немало

жутких историй о подобном способе передвижения, но не боялась. Что самое худшее могло произойти со мной в дороге? Я могла умереть, но и этого не боялась. Бояться смерти глупо. Смерть это покой. В существование ада или рая я не верила, да и не особо велики были грехи мои, чтобы вечность жарится на сковороде. Когда тот мальчик бросил меня, я в отчаяние нацарапала на белом мелу стены в ванной комнате» я хочу умереть». Была ли это мольба, крик о помощи, разбираться тогда я не могла. Мама меня сильно ругала, что я испортила стену и приписала этот порыв сумасбродством подросткового возраста, хотя мне уже минуло 18. С тех пор я не боялась смерти, хотя больше и не призывала её. Интересно, как много я могу вынести? Никто из нас не знает, где заканчивается предел его возможностей. Что я могу? Могу ли прыгнуть с

парашютом или пройти по доске, перекинутой между

крышами двух высоток? Сколько продержусь в ледяной воде, спасаясь от воронки уходящего на дно «Титаника»? Буду ли спасаться сама или постараюсь спасти кого-нибудь ещё? Хотелось верить, что это будет второй вариант, но кто знает? Мне всегда хотелось спасти кого-нибудь, я мечтала об этом, лёжа в постели, бессонными ночами, но вокруг не было никого, кто бы хоть немного нуждался в моей помощи. Даже спасать животных не получалось. Мама требовала, чтобы я вернула их туда, откуда взяла, а я рыдала, держа котёнка за пазухой. Потом ходила кормить, и мечтала, чтобы его взяли в хорошую семью.

Слёзы снова навернулись на глаза. Что-то сегодня я особенно склонна к сантиментам. Жилых домов становилось всё меньше, дорог всё больше, скорость

пролетающих мимо машин всё выше. Я почувствовала, что ноги стали немного побаливать от усталости. Дойдя до ближайшего скверика, я присела на скамейку, стоявшую в одиночестве между двумя корявыми яблонями и облегчённо вздохнула, стянув кроссовки. Скверик был грязный и неухоженный, но день, когда жители города выходят на уборку, был не за горами. Летом, думаю, здесь было вполне уютно, возможно, даже дикие яблони плодоносили. Я достала из рюкзака яйцо, воду и бутерброд с сыром и с удовольствием пообедала. Не помню, чтобы когда-нибудь еда приносила мне такое удовольствие. Я сидела, откинувшись на спинку скамейки и, запрокинув голову, смотрела на голубое небо.

В вышине время от времени проплывали ленивые пушистые облака, как корабли, которым некуда было спешить и они неспешно

курсировали по бездонной сини океана, ища свою пристань. Зрелище мирного голубого неба всегда меня притягивало, могла часами смотреть и восхищаться его глубиной. Когда я ещё училась в школе, родители возили меня к бабушке на дачу и заставляли полоть грядки. Это занятие было мне по душе, была в нём какая-то мирность, стабильность. То, чего мне так не хватало дома. Разделять кудрявые хвостики укропа казалось очень важным делом. Спасением своеобразных мирных жителей от захватчиков. Хотя в душе я симпатизировала сорнякам- кинутые в кучу между грядок, через день, два, они прорастали и тянулись к ласковому солнышку. Вот бы мне такую поразительную живучесть! После законченной работы я легла на шелковистую траву и смотрела в небо, полная умиротворения.

– Чудная девка то, – говорила бабушка, даже не стараясь понизить голос.

– Мама, – одёргивал её отец и косился на меня.

– А что» мама»? – огрызалась бабушка, – Вон Ванечка у нас любо- дорого посмотреть, а Машка блаженная какая-то.

Ванечка мой старший брат, любимец всей семьи, в 21 год обзавёлся белокурой красавицей женой и сыном, таким же белокурым бутузом Стасиком. Ваня окончил школу с отли-

чем, успешно отучился в университете и в 26 лет занимал довольно высокую должность в одном из ведущих предприятий Санкт-Петербурга. Красивый, успешный, хороший муж, заботливый отец- пример для подражания. Ко мне Ваня всегда относился хорошо, с юмором и немного снисходительно. Его забавляли мои домашние забастовки, когда я, поссорившись с родителями, запиралась в своей комнате. До того, как Ваня

женится и уехал семьёй в новостройку у метро «Парнас», было ещё сносно. Меня родители почти не замечали, вся их жизнь крутилась вокруг сына. Это меня вполне устраивало, быть на вторых ролях.

«Клуб любителей Ванечки» – так я называла посиделки, когда пятнадцатилетний брат читал вслух стихи собственного сочинения и все слушали, раскрыв рты от восхищения. Нет, у меня никогда не было зависти к нему, я даже гордилась им, пока не вступила в свой трудно- подростковый период.

Первое, что я сделала, это обрезала свои длиннющие золотисто- русые косы почти под корень и проходила с таким ёжиком несколько месяцев, терпя насмешки от одноклассников. Особенно неприятно было слушать шутки от мальчишек, ведь я вступала в тот возраст, когда мне уже

начинали нравиться мальчишки. В классе я была самой маленькой и смотрелась гадким утёнком среди длинноногих, похожих на моделей, одноклассниц. Им писали смски

на уроках и они приглушённо хихикали, показывая их друг другу. Мне никогда не писали сообщений, даже в более позднем возрасте.

В ту пору, пытаясь убежать от действительности, я начала писать роман, где сделала себя главной героиней. Там у меня было всё- любовь, признание, обожание окружающих. Там я была мила, добра, остроумна и загадочна. Полная противоположность той, кого я каждый день видела в зеркале. Тот роман я так и не написала. Но страсть к сочинительству осталась. У меня и сейчас в кармане лежали блокнот и ручка. В нём я собиралась записать своё путешествие, чем бы оно не

закончилось.

Я поднялась со скамьи, натянула пыльные кроссовки, взяла рюкзак и двинулась дальше. Мне предстояло решить, когда начать голосовать, уже сейчас или на выходе из города. Идти по обочине трассы не очень хотелось и я вышла на дорогу и вытянула руку. Увидев такси, спрятала руку за спину и отчаянно замотала головой, увидев, что водитель собирался притормозить. Старалась голосовать перед водителями грузовиков. Словно отозвавшись на мою мысленную просьбу, передо мной остановился пыльно- зелёный грузовик. Мужчина лет 50 переклонился через пассажирское сидение и распахнул дверь.

– Куда едем, ребёнок?

Его голос звучал весело и добродушно, а морщины, окру-

жающие светло- голубые глаза, походили на солнечные лучики.

– Я в Москву, – сказала я и чихнула.

– Я до Тосно еду. Могу подбросить, а там пересядешь.

Я храбро кивнула и залезла в кабину. Скинув рюкзак и устроившись поудобнее, я искоса посмотрела на водителя.

– Путешествуешь автостопом? – спросил он, выруливая на дорогу.

– В первый раз, – ответила я немного виновато.

– И не боишься?

Я покачала головой.

– Что же произошло с тобой, ребёнок, если ты решила сбежать?

– Я не сбежала..., – выпалила я и осеклась. Во всему вышло, что я сбежала.

Значит, этот добряк водитель видел во мне очередного подростка, сбежавшего от родителей, не в состоянии противостоять их давлению. Да, в- общем, я такой и была. Только вот не

подросток давно. В моём возрасте выходят замуж, рожают детей и живут в светлых квартирах с красивой мебелью и детской кроваткой под балдахином. Встречают мужей с работы, ухоженные, с ярко- красным маникюром на отполированных ноготках. Я мельком взглянула на свои коротко стриженные ногти. Какой муж, если я до сих пор до слёз стесняюсь мужчин? Какой младенец, если у меня, как гово-

рит отец, руки растут не из того места.

– Мне 20 лет, – наконец, сказала я, – Меня зовут Мария и я не хочу больше жить с родителями.

– Можешь называть меня дядя Коля, если тебе так удобно, – сказал водитель, – А вообще я Николай Владимирович. Я вижу, что ты совершеннолетняя, иначе сразу бы отвёз тебя домой или в ближайшее отделение полиции.

Он помолчал немного и добавил:

– Такой юной девушке опасно стоять одной на дороге. Всякое случается.

– Я знаю, но я не боюсь.

– Ты смелая девушка, Маша. Неужели так неможете дома?

– Отец пьёт каждый день, а мама... Я для неё не существую. Только для того, чтобы сбрасывать на меня своё плохое настроение. Особенно когда отец её доводит. На него она боится повышать голос, зато со мной можно всё.

– Понимаю, – мягко проговорил дядя Коля, – Наверное, большинство детей были в подобной ситуации, каждый выживал, как мог. Если ты решила поступить именно так, это твоё решение и, наверное, оно зрело не один день.

– А у Вас есть дети?

– У меня уже взрослые сын и дочь, живут отдельно. У них уже свои семьи.

– Наверное, Вы хороший отец.

Дядя Коля с улыбкой глянул на меня.

– И в моей жизни были упущения. Понимание многих вещей приходит с годами, поэтому внуков мы понимаем лучше, чем собственных детей. Вот, что я скажу тебе, Маша. Хочешь посмотреть мир, посмотри. Но после возвращайся домой. Родители всегда любят и ждут своих детей, даже когда они совсем взрослые.

Тугой комок сдавил мне горло. Дядя Коля был прав, но только не насчёт моих родителей. Сколько слёз я пролила из-за их равнодушия. Даже прикидывалась больной, но меня всё- равно грубо отпихивали. Потом я запретила себе плакать, для меня это было проявлением слабости. А слабой я не могла быть, особенно сейчас.

Минут десять мы ехали молча, я разглядывала пролетающие мимо домики с запылившимися окнами и думала о том, как живут люди там, в

этих старых домах. Наверное, ездят в Санкт-Петербург на работу, добираясь до города в тряских скрипучих пазиках. Бабули собираются на покосившихся от времени деревянных лавках и обсуждают соседей. Или ходят с алюминиевыми лязгающими вёдрами к колодцу, вытягивая из его глубины ледяную прозрачную воду, крепко держа мокрую цепь узловатыми, в тёмных пятнах, руками. Мечтают ли они жить в городе? С водой, текущей из блестящих кранов, с горячими батареями и лифтом, бегающим по столбику дома вниз и вверх. Может и нет.

Я заметила, что многие ближе к пенсии покупают себе да-

чи или участки на окраинах города. Строят дома, возделывают огороды, сажают картошку и, будто бы молодеют, закатывая в трёхлитровые банки пупырчатые огурчики, выращенные своими руками. А к

весне- рассада на подоконнике, блеск в глазах и разговоры о пионах и астрах.

– Зимой здесь, наверное, тоскливо, – вырвалось у меня, когда я представила узкие тропки среди сугробов, бесконечно длинные ночи и нескончаемые снежные поля.

– Отчего же? – спросил дядя Коля, – Зима тоже бывает красивой.

– Не люблю зиму, – поёжилась я, – Вообще не люблю холод и темноту. Если бы я создавала ад, я бы сделала его холодным, тёмным и пустынным. Это ад больше для души, чем для тела.

– Ты странная девочка, Маша, – с теплом сказал дядя Коля.

– Не вы мне первый об этом говорите, – Я пожала плечами.

– Я в хорошем смысле этого слова. Послушай, я еду сейчас навестить родителей, они живут тут, недалеко, в деревне Егорьевка. Поехали со мной,

отдохнёшь, переночуешь, а там решишь, нужна ли тебе эта Москва или нет.

Я задумалась. Если я решила, что хочу повидать что-то новое, отчего бы не начать с Егорьевки.

– Поехали, – весело ответила я.

Дорога до Егорьевки была грязная, вся в ямах и рытвинах. Грузовик переваливался с боку на бок, как большое неповоротливое животное, с утробным рычанием и подрагиванием металлических боков. Первое, что я увидела – лёгкий дымок, поднимающийся над пробудившимся от спячки лесом. Вскоре показались и домики, многие нежилые, покосившиеся и потемневшие от времени. Они стояли близко друг к другу, нахохлившись, словно сбившиеся в стайку воробьи. Те, в которых жили, имели более презентабельный вид, некоторые были окрашены в весёленький голубой цвет. Эти яркие пятна на фоне

серости заборов производили двойственное впечатление, с одной стороны подчёркивая окружающую их нищету, а с другой пряча её за своей нарочитой, бросающейся в глаза, лазурью.

Мы остановилась возле небольшого домика, с резными ставнями и новым забором. Из трубы, растворяясь в вечернем небе, полз дымок. Дядя Коля откинул крючок на калитке с внутренней стороны и, пропустив меня, накинул его снова. Где-то за домом залаяла собака. Я остановилась и поёжилась. Собак я боялась с детства, хотя не помню, чтобы какая-нибудь из них меня кусала. Тут же дверь дома распахнулась и на пороге появилась старушка, в белом платочке с голубыми цветами и светло- сиреневом фартуке поверх длинного, ниже колен, синего платья.

– Коленька, – сказала она, улыбаясь. Зубы у неё были ровные и красивые, из чего я сделала вывод об их искусственном происхождении.

– Здравствуй, мама, – дядя Коля поцеловал мать в щёку, – К нам гости, подобрал на дороге. Зовут Маша, она путешественница.

– Проходи в дом, Маша, – сказала старушка, – я Антонина Петровна. Мы всегда здесь рады гостям, ведь они у нас редкость.

– Мама, скажи отцу, пусть выйдет, я продуктов привёз, сейчас разгрузюсь.

– Ну зачем же, Коленька, – всплеснула руками Антонина Петровна, – Куда нам двоим столько? Лучше бы внучкам отвёз.

– Внушки сами себе заработают на пропитание, – весело ответил дядя Коля, – А мы будем путешественников кормить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.